

Содержание

Введение	7
Вводное замечание	18
Вместо предисловия. Исторический глоссарий.....	19

ЧАСТЬ I. КАК МЫ ЗНАЕМ, ЧТО МЫ ЗНАЕМ, ЕСЛИ МЫ ЗНАЕМ ЧТО-ТО?

1. Притча о притче.....	37
2. Проблема «глубокой реальности»	40
3. Дуальности «муж — жена» и «волна — частица» ..	54
4. Наши «я» и наши «вселенные»	65
5. Сколько у вас голов?	73
6. От умозаключения к культуре инструментов.....	80
7. Странные Петли и бесконечный регресс	87

ЧАСТЬ II. ПОГОВОРИМ О ТОМ, О ЧЕМ НЕВОЗМОЖНО ГОВОРИТЬ

8. Квантовая логика	98
9. Как Джордж Карлин создал официальную историю .	105
10. Зажравшаяся собака и город с двумя названиями	112
11. Что равняется Вселенной?	116
12. Создание туннелей реальности.....	119
13. Стандартный язык и язык-прим	127

ЧАСТЬ III. ВСЕЛЕННАЯ,
КОТОРУЮ СОЗДАЕТ НАБЛЮДАТЕЛЬ

14. Крестьянин и вор146
15. Психосоматическая синергия155
16. Ледяная луна163
17. Секреты некоторых «чудес».....169

ЧАСТЬ IV. КОТ ШРЁДИНГЕРА
И МЫШЬ ЭЙНШТЕЙНА

18. Множественные «я» и информационные системы ..187
19. Множественные вселенные203
20. Создатели звезд?.....213
21. Друг Вигнера, или Детективная история?226

ЧАСТЬ V. НЕЛОКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

22. Скрытые переменные и невидимый мир.....234
23. Квантовый футуризм246

- Приложение. Список цитируемых источников,
не имеющих русских переводов.....255

ВВЕДЕНИЕ

Как писатель, Роберт Антон Уилсон обладал замечательным талантом: он умел легко и увлекательно вводить ничего не подозревающих читателей в особое, восприимчивое состояние сознания, в котором их можно было заставить подвергнуть сомнению любые бессознательно созданные представления о реальности.

Книги Уилсона предлагают литературный эквивалент психоделического опыта: они способны расширять сознание и трансформировать жизнь не хуже какого-нибудь мощного зелья, за которым надо ездить в джунгли Амазонки. Иначе говоря, его книги эффективно устраняют вашу уверенность в чем бы то ни было и заставляют вас переоценить этот мир, увидев его в великолепной новой перспективе.

Многие люди, как и я, связывают свое изначальное психологическое «пробуждение» с чтением психоактивных книг Уилсона. Его автобиографическая работа «*Космический триггер*» не только помогла мне уразуметь концепцию «множественных реальностей», но и вдохновила меня самого стать писателем и исследователем сознания, когда я был еще подростком. Уилсон написал введение к моей первой книге «*Порождение ума*» (*Brainchild*), и мне видится некая кармическая петля в том, что сейчас я имею честь написать введение к одной из его книг.

«*Квантовая психология*», которая считается одной из важнейших работ Уилсона, многих людей пробудила к более высоким состояниям сознания. Я думаю, что это одна из самых блестящих книг, когда-либо написанных, но прежде чем войти в ее золотые ворота, я должен сначала предупредить вас: после ее прочтения вы изменитесь навсегда.

ВАША НЕРВНАЯ СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЯЕТ ВАШУ РЕАЛЬНОСТЬ

Уилсон подводит нас к мысли о том, что к названиям всех наук следовало бы приставить «нейро-», чтобы получились «нейрофизика», «нейрохимия», «нейроастрономия» и т. д., поскольку все может быть познано только через призму нервной системы человека. В целом соглашаясь с «копенгагенской интерпретацией» квантовой физики, Уилсон утверждает, что мы никогда не сможем непосредственно испытать «глубокую реальность» и все, что мы когда-либо способны познать — при помощи наших органов чувств или наших технологий, — это «экзистенциальная реальность»: то, что мы можем пережить в этом мире через наши тела или инструменты.

У нас никогда не будет даже чистой нейробиологии — науки о нервной системе, а может быть только «нейронеуробиология» — наука о нервной системе, воспринимаемой через призму нервной системы! Уилсон отмечает, что *«изучение науки о мозге лучше подготовит вас к восприятию квантовой теории, чем изучение классической физики»*. Таким образом, Уилсон объединяет квантовую механику с нейронаукой, транзакционной психологией и восточной философией.

Уилсон настойчиво повторяет, что восприятие не пассивный процесс, а скорее «активная интерпретация сигналов». Другими словами, чувственное восприятие (то, что мы видим, слышим, обоняем, осязаем и пробуем на вкус) — это по своей сути творческое событие, и каждый человек является художником в своем повседневном, обыденном взгляде на мир. Уилсон показывает, что такое понимание восприятия похоже на «закон» квантовой физики, согласно которому «наблюдатель не может быть исключен из описания наблюдаемого».

Мы знаем, что любой инструмент, который мы используем для измерения какого-либо явления, определяет способ восприятия этого явления, иногда с кажущимися противоречивыми результатами. Например, в квантовой физике эта проблема измерения создает классическую философскую дилемму о том, «является» ли свет «частицами» или «волнами».

История о слепцах и динозавре в интерпретации Р. А. Уилсона. Иллюстрация из его книги «Прометей восставший» (в русском издании — «Психология будущего»).

Если признать оба типа измерений выражениями разных типов истины — как в притче о слепцах и динозавре, — похоже, эту странную загадку можно решить. Извечная классическая дуалистическая проблема единства «сознания» и «тела» (или отличия одного от другого) исчезает, если мы мыслим в терминах «организма-как-целого» — как физики мыслят о «пространстве» и

«времени» в терминах «пространственно-временного континуума», а не как о двух физически разных сферах.

КВАНТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ «СОЗНАНИЕ – ТЕЛО»

Как Уилсон совершенно ясно дает понять, тщательное изучение «материи» и «сознания» в конечном счете заставляет нас усомниться в том, что мы обычно считаем «реальностью». Он исследует общепринятое представление о том, что мы живем в «ньютоновской вселенной» — то есть в мире, управляемом причинно-следственной механикой классической физики, — и показывает, как знаменитые «проблемы» и странные «парадоксы», а также «общие философские загадки квантового мира» часто проявляются в нашей повседневной жизни.

Уилсон показывает нам, что уразуметь логику квантовой физики не так сложно, как утверждают многие физики, и что понимание недвойственной природы реальности поможет нам стать умнее и счастливее. Он проводит очень интересные параллели между «неопределенностью» как термином квантовой физики и той неопределенностью, с которой мы сталкиваемся в окружающем нас мире.

Уилсон напоминает нам, что те люди, которые лучше всего реагируют на «плацебо», обычно также чаще других демонстрируют то, что психолог Карл Юнг назвал «синхронистичностью», — осознанное восприятие личностно значимых совпадений. Это очень интересная корреляция, и так называемая «проблема сознания и тела», которая веками обсуждалась психологами и философами, кажется, может быть решена путем замены аристотелевской («либо — либо») логики на квантовую логическую модель перевода инфор-

мации, т. е. замены дуалистических слов «сознание» и «тело» более точным термином «психосоматическое единство».

Одна из главных идей, которые Уилсон развивает в этой книге, — важность общения на «языке-прим», то есть языке исключительно описательном, в котором не используется «идентификационный» глагол «является». Это значительно повышает точность коммуникации, поскольку позволяет избежать передачи ошибочного чувства уверенности. Уилсон утверждает, что любой достаточно полный анализ реальности должен отказываться от аристотелевской уверенности и принимать модели, основанные на вероятностях.

ИМПРИНТИРОВАНИЕ, КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Уилсон проводит важное различие между тремя основными способами, которыми нервная система человека усваивает новую информацию, — «импринтированием», «кондиционированием» и «обучением». Эта идея была разработана на основе теорий психолога Тимоти Лири.

Одним из самых важных вкладов Лири в психологию была его революционная модель восьми «контуров» мозга, которую Уилсон развивает в этой и других своих книгах. Эта блестящая теория помогла мне понять поведение человека, различные состояния сознания и мои собственные психоделические переживания лучше, чем традиционные модели психики по Фрейду, Юнгу, Маслоу или Грофу.

Лири постулировал, что существует восемь основных типов разума, и старался показать, что жизнь на Земле развивается по той же схеме, что и многие другие динамические процессы во Вселенной, будь то жизнен-

ные циклы звезд, заживление раны или развитие человека. Действие сформулированного Лири Закона Октав можно наблюдать во всех аспектах человеческого поведения, а также в эволюции жизни и сознания в космосе.

Находя проявления Закона Октав как в сфере мистики, так и в сфере науки, Лири и Уилсон демонстрируют, что человеческий мозг как носитель сознания состоит из восьми фундаментальных «контуров» — отдельных разумов, которым соответствуют восемь различных «я» со своими «туннелями реальности». Уилсон очень ясно и остроумно описывает их в этой книге.

Первые четыре мозговых контура направлены на выживание и создание прочного основания в физической реальности. В этих контурах *импринтируются* (отпечатываются) условия окружающей среды на ранних стадиях человеческого развития со всеми их положительными и отрицательными ассоциациями, имеющими долгосрочные психологические последствия.

Повторяющиеся в процессе нашего развития события создают «условные рефлексы», которые могут усиливаться или ослабляться последующим опытом. Согласно Уилсону, импринтирование и генетика играют важнейшую роль в определении моделей поведения человека, а кондиционирование (воспитание) и обучение модифицируют эти модели, но редко радикально изменяют генетически импринтированные императивы. Переимпринтирования первых четырех контуров, как объясняет Уилсон, можно достичь путем приема психоделиков и других техник изменения сознания, активирующих высшие контуры мозга. Обучение — самый слабый и нестойкий из этих трех основных типов обработки информации, доступных нам, но оно служит источником самой большой и быстро растущей сферы человеческих знаний.

ИНФОРМАЦИЯ И ЗНАНИЯ УДВАИВАЮТСЯ ВСЕ БЫСТРЕЕ И БЫСТРЕЕ

Уилсон показывает, как общий объем информации, обрабатываемой человеческой нервной системой на нашей планете, удваивался за все более короткие и короткие промежутки времени на протяжении всей истории. Это ускорение со временем становится все более очевидным.

Например, этноботаник Теренс Маккенна тоже говорил об ускоряющемся процессе культурной и технологической эволюции, ведущем нас к тому, что он назвал «бесконечной экспансией новизны», или к «трансцендентальной цели в конце истории», и это похоже на то, что изобретатель и технолог Рэймонд Курцвейл и другие в настоящее время называют приближающейся Сингулярностью.

Курцвейл и другие «трансгуманисты» говорят о том, что наш технический прогресс неизбежно ведет нас в мир, который воистину превосходит все наши самые смелые ожидания. Например, по мнению Курцвейла, у которого солидный послужной список в сфере прогнозирования достижений технологии, человеческий интеллект скоро станет качественно неотличимым от искусственного, машинного интеллекта, а там уже недалеко до их слияния и той самой Сингулярности. Этот загадочный термин позаимствован из физики. Он описывает место, в котором нарушаются все известные физические законы (например, внутри коллапсирующей звезды) и больше ничего невозможно предсказывать, поскольку в игру вступают совершенно новые переменные. Это соответствует «культурной актуализации» восьмого контура мозга, которую Уилсон объясняет в настоящей книге.

Прогресс в области искусственного интеллекта, постоянно развивающийся Интернет, передовая робототехника, нанотехнологии, трехмерная печать, автомобили без водителя, частные беспилотники, легальный каннабис и все прочие невиданные технологии и научные открытия, о которых ежедневно говорят в теленовостях, — все это побуждает нас переосмыслить, что значит быть человеком, и задуматься о том, что может развиваться из человека далее. Все высшие контуры системы восьми разумов в настоящее время достигают беспрецедентного уровня технологического мастерства, как и предсказывалось в книгах Уилсона.

Мне было бы очень любопытно увидеть реакцию Уилсона на клоунаду современной политики (его политические высказывания часто были необычайно пронизательными и весьма саркастическими), а также на научно-технические чудеса, которые мы сегодня наблюдаем. Впрочем, я не думаю, что Уилсон был бы слишком удивлен тем, что происходит в современном мире, поскольку он предвидел многое из этого в своих пророческих книгах.

В «Квантовой психологии» Уилсон пишет, что промежутки времени, за которые объем информации, генерируемой человеком, удваивался, на протяжении всей истории человечества постоянно сокращались. Этим вопросом вплотную занимался изобретатель и философ Бакминстер Фуллер, создавший знаменитую «Кривую удвоения знаний». Когда-то для такого удвоения требовалось 1500 лет, а со временем стало хватать и 18 месяцев. Уилсон писал об этом в 1990 году, а вскоре развитие Всемирной Паутины еще сильнее подстегнуло этот процесс. В обозримом будущем общий объем знаний человечества станет удваиваться каждый час, а затем каждую минуту — и можно только гадать, к чему все это в конечном счете приведет.

ВЫПОЛНЯЙТЕ ВМЕСТЕ С ДРУЗЬЯМИ УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ МОЗГА

Важной частью процесса саморазвития, который Уилсон предлагает читателю, может стать выполнение упражнений в конце каждой главы. Упражнения делают уроки, содержащиеся в книге, практически и интерактивными — и это единственный реальный способ изучения материала на всех уровнях тела и нервной системы.

«Квантовая психология» — книга довольно веселая. Уилсон был блестящим сатириком, дзэн-трикстером, мастером пранка и даже имел небольшой опыт эстрадного комика. Читая книги Уилсона, важно помнить, что все не такое, каким кажется на первый взгляд, и что нет одного-единственного «на самом деле»: реальность множественна.

Согласно Уилсону, любой акт восприятия можно сравнить с азартной игрой, основанной на бессознательной оценке вероятностей. Он предлагает оригинальное (и очень необходимое) слово «некневсе» (*sombunall*), что означает «некоторые, но не все» (*some but not all*). Уилсон стремится к повышению точности коммуникации, стараясь побольше употреблять слово «возможно» и поменьше — слово «является». Он постоянно напоминает нам о том, что значительная часть наших восприятий обязана своим происхождением нашим предубеждениям и действительно имеют смысл только те заявления, которые можно эмпирически проверить и определить как истинные либо ложные.

Я скучаю по Роберту Антону Уилсону, по Бобу, как его называли друзья. Мне посчастливилось быть одним из них, и Боб сыграл важную роль в моей карьере писателя. Мы познакомились вскоре после того, как я закончил свою первую книгу «Порождение ума», в 1988 году.

Я подошел к нему после его лекции и спросил, не мог бы он написать хвалебный отзыв для задней стороны обложки моей книги, которая скоро будет опубликована. Боб сказал: «Возможно». Мне показалось, что он не слишком горит желанием это сделать. Я подумал, что, наверное, молодые писатели все время надоедают ему, прося таких отзывов. Но Уилсон сказал, чтобы я попросил своего издателя прислать ему экземпляр книги.

Я попросил, издатель прислал — и вообразите мое удивление и счастливое восхищение, когда оказалось, что Уилсон написал к книге введение на целых одиннадцать страниц!

Затем, в 1989 году, я переехал в Лос-Анджелес, где в то время жили Боб и его жена Арлен, и начал регулярно посещать еженедельные собрания у них дома, на которых люди небольшой группой вместе читали книги и обсуждали различные идеи, расширяющие сознание. Мы читали практически всё, что написал Джеймс Джойс, «Песни» Эзры Паунда, сочинения друг друга, а также художественные книги Боба. Мы смотрели фильмы Орсона Уэллса и беседовали о квантовой физике и «политике приматов». А потом, уже в середине 1990-х годов, мы оба переехали в район Санта-Крус в Северной Калифорнии.

Я продолжал посещать еженедельные собрания в доме Боба, пока они не закончились за несколько недель до его смерти. Он оставался таким же мудрым и остроумным, как всегда, до самого конца. Я видел Боба в среднем примерно раз в неделю в течение семнадцати лет, и он, как я уже сказал, сыграл огромную роль в моей писательской карьере. Он очень поддерживал мое стремление писать. Боб присылал мне письма, чтобы подбодрить меня в трудную минуту, и даже пару раз присылал мне деньги, когда я был не в состоянии за-

платить за квартиру. Я всегда буду благодарен ему за его великий ум и сострадательное сердце.

У Боба была сверхъестественная способность воспринимать вещи, которые замечают немногие. Он обладал необычайно широким умом, невероятной памятью и поистине энциклопедическими познаниями во многих областях — от литературы и психологии до квантовой физики, буддизма и нейронауки — и служил живым примером «неофилии» (любви к новому).

Боб был также очень креативен и точен в употреблении языка, и у него был свой уникальный стиль юмора, со скрытыми шутками и хитрыми загадками, которые он использовал, чтобы помогать людям войти в освобожденное состояние «пробуждения» или «просветления» — чистого «осознания без ума», позволяющего перепрограммировать мозг на новые возможности.

Несмотря на некоторые серьезные личные проблемы на протяжении многих лет, Боб всегда сохранял оптимистичный и веселый взгляд на жизнь. Независимо от обстоятельств и вплоть до его последних мгновений он всегда заставлял меня улыбаться каждый раз, когда я встречался с ним. Все, кому посчастливилось знать его, соглашались с тем, что в Роберте Антоне Уилсоне было нечто действительно волшебное.

*Дэвид Джей Браун, 16 октября 2015 года,
Бен-Ломонд (Калифорния)*

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В каждой главе этой книги есть упражнения, которые помогут читателю осмыслить и «интернализировать» (научиться применять) принципы квантовой психологии. В идеале она могла бы стать учебным пособием для группы, которая собирается раз в неделю, чтобы совместно выполнить упражнения и обсудить их применение в повседневной жизни.

Я использую «рассеянную» технику писателей-суфиев. Отдельные темы в этой книге рассмотрены не в линейном, «логическом» порядке, а в порядке нелинейном, *психо-логическом*, рассчитанном на прокладывание новых путей мышления и восприятия. Эта техника должна способствовать процессу «интернализации».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ

Опасно понимать новые вещи слишком быстро.

Джосая Уоррен. Истинная цивилизация^{*1}

Многим читателям отдельные части этой книги покажутся «материалистическими», а тот, кто не любит науку (и «понимает» новые вещи очень быстро), может даже решить, что книга имеет научно-материалистический, а то и «сциентистский» уклон. Что любопытно, другие части другим читателям покажутся «мистическими» (или даже «хуже чем мистическими»), и эти люди могут счесть, что книга имеет уклон оккультный или даже солипсический.

Эти мрачные предсказания я делаю с большой уверенностью, основываясь на опыте. Я так часто слышал, как меня называли материалистом и мистиком, что в конце концов понял: как бы я ни менял свой «подход» от одной книги к другой, стараясь избежать этого, всегда найдутся люди, которые сильно преувеличат или чрезмерно упростят то, что я пытался сказать. С этой проблемой, похоже, сталкивался не только я — нечто подобное происходит в большей или меньшей степени с каждым писателем. Как доказал Клод Шеннон в 1948 году, «шум» проникает в любой канал коммуникации, как бы ни был устроен последний.

В электронных средствах коммуникации (телефон, радио, ТВ) шум принимает форму интерференции,

¹ Звездочкой отмечены книги, русские переводы которых нам не удалось найти. Их названия и имена авторов приводятся в Приложении на с. 255 в оригинальном написании. — Здесь и далее прим. ред., если не указано иначе.

наложения каналов и т. п. Когда по ТВ показывают футбольный матч, именно по этим причинам в самый решительный момент в трансляцию иногда может вклиниться голос какой-то женщины, объясняющей молочнику, сколько галлонов молока ей нужно будет на этой неделе.

При печати шум появляется в первую очередь как «опечатки» — пропавшие слова, части предложения, которые вдруг оказываются совсем в другом абзаце, неправильно понятые авторские правки, изменяющие одну ошибку на другую, и т. п. Как-то мне рассказывали о сентиментальном романе, который в авторском варианте оканчивался словами: «Он поцеловал ее под безмолвными звездами» (*He kissed her under the silent stars*). Каким же было удивление читателей, когда в напечатанной книге они увидели такую концовку: «Он дал ей пинка под безмолвными звездами» (*He kicked her under the silent stars*)! Есть еще один вариант концовки этого старого анекдота, более забавный, но менее правдоподобный: «Он дал ей пинка под лестницей в подвале» (*He kicked her under the cellar stairs*).

В одной из моих предыдущих книг профессор Марио Бундж превратился в профессора Марио Мунджа, и я до сих пор не понимаю, как это случилось, хотя сам я виноват не меньше наборщика. Я писал книгу в Дублине (Ирландия), где статья профессора Бунджа была передо мной, а гранки правил в Боулдере (штат Колорадо, США) во время лекционного турне и статьи у меня с собой не было. Цитаты из Бунджа в книге переданы правильно, но его фамилия превратилась в «Мундж». Так что я прошу прощения у профессора (и очень надеюсь, что в этом абзаце его имя будет напечатано правильно, — иначе такой ничтожный типографский шум еще больше обидит старого доброго Бунджа, да и читатель ничего не поймет...).

В разговоре шум может возникнуть из-за отвлекающих внимание звуков, оговорок, иностранного акцента и т. п. Когда человек говорит: «Я просто ненавижу этого напыщенного психиатра» (*I just hate a pompous psychiatrist*), слушателям может показаться, что он произнес: «Я только что съел напыщенного психиатра» (*I just ate a pompous psychiatrist*).

Любого рода коммуникационные системы преследует также и *семантический шум*. Человек может искренне сказать: «Я обожаю футбол». Слушатели могут нейро-семантически сохранить эту информацию в своем мозгу под совершенно разными категориями, хотя каждый расслышит его правильно. Кто-то воспримет этого человека как любителя поиграть в футбол, а другой — как завязанного болельщика.

Из-за семантического шума вас даже могут принять за сумасшедшего, как это случилось с доктором Полом Вацлавиком (он приводит этот пример в нескольких своих книгах). Доктор Вацлавик впервые обратил внимание на психотомиметическую функцию семантического шума, когда устраивался на работу в одну психиатрическую больницу.

В приемной перед кабинетом главного психиатра за столом сидела женщина. Доктор Вацлавик решил, что это секретарь.

— Я Вацлавик, — объявил он, предполагая, что секретарю известно о том, что он должен прийти.

— А я вас так не называла, — ответила женщина.

Немного обескураженный, доктор Вацлавик воскликнул:

— Но это я!

— Тогда почему вы это отрицаете?¹

¹ Поскольку в данном случае при переводе с английского, похоже, не удастся избежать *семантического шума*, приведем оригинальный диалог: *I am Watzlawick. — I didn't say you were. — But I am. — Then why did you deny it?*

Доктору Вацлавику в этот момент ситуация представилась совершенно не так, как было на самом деле. Женщина вовсе не была секретарем. Он классифицировал ее как пациентку-шизофреничку, которая случайно забрела в помещение для персонала. Естественно, он стал «обращаться» с ней очень осторожно.

Его новое предположение кажется вполне логичным, не так ли? Только поэты и шизофреники изъясняются на языке, который не поддается логическому анализу. Причем поэты, как правило, не используют этот язык в будничном разговоре, да еще так спокойно и непринужденно. Поэты произносят экстравагантные, но при этом изящные и ритмичные фразы — чего в данном случае не было.

Но забавнее всего то, что и сам доктор Вацлавик показался этой женщине явным шизофреником. Дело в том, что из-за *шума* она услышала совершенно другой диалог.

Странный человек подошел к ней и заявил: «Я не славянин» (*I am not Slavic*). Многие параноики начинают разговор с такого рода утверждений — для них они имеют жизненно важное значение, хотя остальным людям могут казаться странными.

— А я вас так не называла, — ответила она, стараясь успокоить его.

— Но это я! — парировал странный человек и сразу же вырос в ее понимании от параноика до параноидального шизофреника.

— Тогда почему вы это отрицаете? — резонно спросила женщина и начала «обращаться» с ним очень осторожно.

Каждый, кому приходилось разговаривать с шизофрениками, знает, как чувствуют себя оба участника подобного разговора. Общение с поэтами обычно не причиняет такого беспокойства.

В дальнейшем читатель заметит, что у этого *коммуникационного сбоя* гораздо больше схожести со многими известными политическими, религиозными и научными дебатами, чем нам обычно кажется.

Пытаясь свести к минимуму семантический шум (и зная, что не смогу избежать его совсем), я предлагаю своего рода исторический глоссарий, в котором объясняется «технический жаргон» этой книги. Я надеюсь, из него станет ясно, что я не придерживаюсь ни одной из точек зрения, которые оспариваются в традиционных (доквантовых) дебатах, постоянно раздирающих академический мир.

Экзистенциализм берет начало от Сёрена Кьеркегора. Для него это слово означало: 1) отказ от абстрактных терминов, столь любимых большинством западных философов; 2) предпочтение определительных слов и понятий в отношении конкретных индивидуумов и их конкретного *выбора* в реальных жизненных ситуациях; 3) новый хитроумный способ защиты христианства от нападок рационалистов.

Например, фраза «Правосудие — это когда люди стараются как можно точнее исполнять волю Божию» содержит в себе как раз ту абстракцию, какую экзистенциалисты считают помпезной тарабарщиной. Кажется, что-то сказано, но если вы попытаетесь рассудить какое-то дело, руководствуясь только этой фразой, то обнаружите, что она скорее запутывает, чем помогает. И вам захочется чего-то более практичного. Даже фраза «Правосудие в принципе может свершиться, когда суд искренне пытается мыслить непредубежденно» вряд ли удовлетворила бы экзистенциалиста. А вот предложение «Люди используют слово «правосудие», чтобы обосновать оскорбления, которые они наносят друг другу» звучит уже вполне приемлемо для экзистенциалиста-ницшеанца.

Связь между Ницше и Кьеркегором остается исторической загадкой. Ницше жил позже Кьеркегора, но никто не знает, читал он его или нет; сходство между ними может быть чистым совпадением. Экзистенциализм Ницше 1) также атаковал поверхностные абстракции традиционной философии и многое из того, что кажется «здоровым смыслом» (например, он отвергал такие термины, как *добро*, *зло*, «*реальный мир*» и даже *эго*); 2) также предпочитал анализировать ситуации реальной жизни, но делал упор на *волю* там, где Кьеркегор большее значение придавал *выбору*; 3) скорее нападал на христианство, чем защищал его.

Говоря коротко — слишком коротко, и потому, наверное, не совсем точно, — когда вы решаете, как поступить, и убеждаете себя и других, что вы «обдумали все логически», у экзистенциалистов тотчас возникают подозрения. Кьеркегор настаивал бы, что вы сделали выбор, полагаясь на «слепую веру» того или иного рода (например, веру в христианство, веру в научно-популярные статьи, веру в Маркса и т. д.). Ницше сказал бы, что у вас как у биологического организма есть воля к определенному результату и вы просто «рационально обосновали» свои биологические устремления. Задолго до Доказательства Гёделя¹ в математике экзистенциализм признавал, что мы никогда не «доказываем» свои предположения *полностью*, мы всегда останавливаемся где-то на ступеньках бесконечной лестницы, которую нужно преодолеть для тотального логического «доказательства» чего бы то ни было. Вот простой пример. Вы пытаетесь доказать утверждение «я имею столько-

¹ Курт Гёдель (1906–1978) — американский логик и математик австрийского происхождения. Суть двух его «теорем о неполноте» в том, что 1) любая формальная система аксиом содержит неразрешенные предположения и 2) логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы.

то долларов в банке». Вроде бы никаких проблем, но какая бездна разверзается перед вами, если вы задумаетесь, что означает «иметь что-либо»! (Я думаю, что я «имею работающий компьютер», но в любой момент может оказаться, что я «имею компьютер неработающий».)

Фраза «Джордж Вашингтон был президентом два срока» обычному человеку кажется доказанной, если ее подтверждает справочник. Но такое «доказательство» требует веры в справочники — а эта вера как раз и отсутствует во многих теориях, «пересматривающих» историю.

Сартр тоже отвергал абстрактную логику, придавая большое значение *выбору*, но он склонялся к марксизму и пошел дальше Кьеркегора и Ницше в критике терминов, на которые нет конкретных ссылок. Например, в одном знаменитом (и типичном для него) пассаже Сартр отвергает фрейдовскую концепцию «латентной гомосексуальности», заявляя, что человека можно называть гомосексуалистом только в том случае, если он совершает гомосексуальные *действия*. Мы неправильно используем язык, когда предполагаем, что в тех, кто *не* совершает гомосексуальных *действий*, есть некая ненаблюдаемая «сущность гомосексуальности».

Придавая большое значение *выбору*, Сартр также заявлял, что человека нельзя называть гомосексуалистом (вором, святым, антисемитом и т. д.), не ссылаясь на конкретные случаи. «У Мэри в прошлом году была лесбийская связь», «В пятницу Джон стащил шоколадку», «Робин трижды подал монетку нищему», «Ивлин что-то сказала против своих квартирных хозяев-евреев два года назад» — все это, согласно Сартру, правомерные высказывания. Но приписывать этим людям какую-то «сущность» уже неправомерно. Только после смерти человека, утверждал Сартр, мы можем с определенно-

стью сказать: «Она была лесбиянкой», «Он был вором», «Он был милосердным», «Она была антисемиткой» и т. д. Пока остается жизнь и *выбор*, у людей нет никакой «сущности» и каждый может неожиданно измениться. (Ницше, подобно Будде, зашел еще дальше, утверждая, что у нас даже нет «эго», то есть единого неизменного *сущностного* «я».)

Один из постулатов экзистенциалистской теории гласит: «Существование предшествует сущности».

Это значит, что у нас нет той врожденной метафизической «сущности», или «эго», которую приписывают человеку в большинстве философий¹. *Прежде всего, мы существуем и вынуждены делать выбор. Пытаясь понять или описать наш экзистенциальный выбор, люди приписывают нам те или иные «сущности», но эти «сущности» остаются не более чем словами-ярлыками.*

Никто не знает, к какой категории отнести Макса Штирнера — глубокого и сложного мыслителя, в учении которого причудливо смешиваются признаки атеизма, анархизма, эгоизма, дзэн-буддизма, аморализма, экзистенциализма и даже объективизма Айн Рэнд. Штирнер тоже не любил абстракции, не подкрепленные конкретными ссылками (то есть «сущности»), и называл их «призраками». Кстати, это слово мне безумно нравится². Но если я употребляю этот термин, это отнюдь не означает, что я всецело принимаю штирнеровскую философию (или антифилософию). Как и то, что я использую экзистенциалистские термины, вовсе не свидетельствует о полном согласии с Кьеркегором, Ницше или Сартром.

¹ Железный прут тоже не обладает «сущностью твердости». Он лишь кажется твердым нам, людям, но для какой-нибудь здоровенной гориллы он будет мягким и гибким. — *Прим. авт.*

² Конечно, слово «призраки» (англ. *spooks*) не фигурирует в штирнеровском немецком языке. Мы обязаны этим отличным термином переводчику Штирнера Стивену Баингтону. — *Прим. авт.*

Эдмунд Гуссерль находится где-то между *экзистенциализмом* и *феноменологией*. Отвергая традиционную философию столь же решительно, как и экзистенциалисты, Гуссерль пошел еще дальше и отверг вообще все концепции «реальности», кроме *феноменологической* — той, что основана на опыте. Если я вижу розового слона, говорил Гуссерль, этот розовый слон входит к сферу человеческого опыта не меньше, чем тщательные измерения, сделанные ученым в лаборатории (хотя слон занимает другую область человеческого опыта и, вероятно, не так важен для человечества в целом — если только о нем не будет, например, написана великая поэма).

Гуссерль, оказавший благодаря этому большое влияние на социологию и некоторые отрасли психологии, также придавал особое значение *творчеству* в каждом акте восприятия (например, роль мозга как мгновенного интерпретатора данных, что отмечал и Ницше).

Йохан Хейзинга, голландский социолог, изучавший игровой элемент в человеческом поведении, заметил, что мы живем по *правилам игры*, которые не всегда осознаем и не всегда можем выразить словами. Иначе говоря, мы не только интерпретируем данные по мере их получения; мы быстро и бессознательно «подгоняем» данные к существующим аксиомам или правилам игры нашей культуры (субкультуры).

Вот пример.

Полицейский на улице избивает человека дубинкой. Наблюдатель А видит, как Закон и Порядок выполняет свою функцию, сдерживая насилие встречным насилием. Наблюдатель Б видит, что у полицейского белая кожа, а у человека, которого избивают, — черная, и приходит к несколько иным заключениям. Наблюдатель В прибыл на место раньше и видел, что человек, прежде чем получить первый удар дубинкой, навел на полицейского пистолет. Наблюдатель Г слышал, как

полицейский сказал: «Держись подальше от моей жены» — и, таким образом, видит совсем другой смысл ситуации. И так далее...

Феноменологическая социология многое позаимствовала как у Гуссерля и Хёйзинги, так и у экзистенциализма. Отрицая абстрактную платоновскую «реальность» (единственную), социологи этой школы признают лишь социальные реальности (множественные), определяемые человеческими взаимодействиями и «правилами игры» и ограниченные пропускной способностью человеческой нервной системы.

Этнометодология, в значительной степени творение доктора Чарльза Гарфинкеля, сочетает в себе самые радикальные теории современной антропологии и феноменологической социологии. Признавая социальные реальности (множественные), которые она называет *эмическими реальностями*, этнометодология показывает, что восприятие каждого человека, в том числе и восприятие социологов, считающих, что они способны изучать общество «объективно», всегда есть ограничения, дефекты и бессознательные предубеждения *эмической реальности* (или общественной игры) наблюдателя.

Феноменологи и этнометодологи иногда признают и *этическую реальность* — что-то вроде старомодной «объективной реальности» традиционной (доэкзистенциалистской) философии и древних суеверий, ставших в наше время «здоровым смыслом». Однако подчеркивается, что об *этической реальности* нельзя сказать ничего вразумительного, поскольку все, что мы можем сказать, имеет структуру *эмической реальности* — правил нашей социальной игры (особенно нашей языковой игры) — и построено на ней.

Если вы оспариваете это, пожалуйста, пришлите мне полное описание этической реальности, не прибегая к словам, математике, музыке или другим формам человеческого символизма. (Присылайте экспресс-почтой. Я мечтал увидеть такое описание не один десяток лет.)

Экзистенциализм и феноменология повлияли не только на некоторых социологов, но и на многих художников и нескольких радикальных общественных деятелей. Но среди академических философов оба эти направления пользуются дурной репутацией и мало кто признает их влияние на естественные науки. Исследовать это влияние мы и собираемся.

Прагматизм имеет некоторое сходство с экзистенциализмом и феноменологией и родственен им. Эта философия, или метод, исходит главным образом от Вильяма Джеймса — очень сложного ученого, книги которого в одних библиотеках и книжных магазинах стоят в разделе философии, в других — в разделе психологии, а кое-где — в разделе религии. Как и экзистенциализм, прагматизм отвергает призрачные абстракции и большую часть словаря традиционной философии.

Согласно воззрениям прагматизма, идеи имеют смысл только в конкретных человеческих ситуациях, «истина» как абстракция не имеет смысла вообще и самое лучшее, что мы можем сказать о любой теории, — это «Что ж, кажется, эта идея работает, по крайней мере на данный момент».

Инструментализм а-ля Джон Дьюи в целом следует прагматизму, но особо подчеркивает, что *достоверность* или *полезность* любой идеи — мы уже избавились от «истины», вы помните? — зависит от инструментов, при помощи которых идея проверялась. По мере

улучшения качества инструментов *достоверность* или *полезность* той же идеи будет изменяться.

Как и другие теории, которые мы уже обсудили, инструментализм оказал более непосредственное влияние на социологию (а также на теорию образования), чем на физику, хотя в большой степени *испытал на себе* влияние физики.

Операционализм, созданный нобелевским лауреатом физиком Перси У. Бриджменом, пытается преодолеть возражения «здравого смысла» против теории относительности и квантовой механики и многое заимствует у прагматизма и инструментализма. Бриджмен заявлял, что «здравый смысл» происходит от некоторых догм и спекуляций древней философии — в частности, от платоновского идеализма и аристотелевского учения о «сущностях». Многие из того, что эта философия принимает за аксиомы, в настоящее время выглядит либо неверным, либо недоказуемым.

Здравый смысл, например, предполагает, что утверждение «работа была выполнена за пять часов» может содержать в себе как абсолютную истину, так и объективность. Операционализм же, вслед за Эйнштейном (и прагматизмом), настаивает, что единственное имеющее смысл утверждение об этом измерении времени должно формулироваться так: *«Когда я разделял с рабочими одну инерционную систему, мои часы показали интервал в пять часов между началом и концом работы»*.

Противоречащее утверждение «работа заняла шесть часов» может быть не ложным, а в равной степени истинным, если наблюдатель производил измерение из другой инерционной системы. В этом случае фраза должна строиться так: *«Когда я наблюдал инерционную систему рабочих из моего космического корабля (другой*

инерционной системы, удаляющейся от них), мои часы показали интервал в шесть часов между началом и концом работы».

Операционализм оказал большое влияние на физику, несколько меньшее — на некоторые общественные науки и до сих пор не известен академическим философам, художникам, гуманитариям и т. п. — либо отвергается ими. Странно, что многие из тех, кто не любит операционализм за его «холодность» и «чрезмерную научность», не выказывают тех же претензий к экзистенциализму или феноменологии.

Этого я не могу понять. На мой взгляд, экзистенциализм и феноменология применяют к человеческим отношениям те же критические методы, которые операционализм применяет к физике.

Копенгагенская интерпретация квантовой физики Нильса Бора (еще одного нобелевского лауреата) во многом совпадает с операционализмом, но излагается еще более радикальным языком. Согласно Бору, как «здравый смысл», так и традиционная философия оказались неспособны учитывать данные квантовой механики (и теории относительности), и чтобы понять то, что открыла физика, нам нужно говорить на новом языке.

Новый язык, предложенный Бором, лишен абстракций, которые отвергались экзистенциализмом. Он предлагает давать вещам определения в терминах человеческих операций (к чему призывают прагматизм и операционализм). Бор признавал, что на его понимание этих вопросов оказали влияние экзистенциалист Кьеркегор и прагматик Джеймс. (Странно, что многие ученые явно не подозревают об этом «философском» основании операционализма и называют операционалистский подход просто «здравым смыслом»; точно

так же не-ученые называют здравым смыслом платоновскую и аристотелевскую метафизику.)

Общая семантика, продукт польско-американского инженера Альфреда Коржибски, пыталась сформулировать новую, неаристотелевскую логику, чтобы удалить «эссенциалистские», или аристотелевские, правила игры из наших нейролингвистических реакций (речи и мышления) и перенастроить наши мозговые программы на экзистенциалистские и феноменологические концепции — и особенно на квантовую механику. Принципы общей семантики на практике пытаются эффективно применять *я-прим* (английский язык без слова *is*¹), созданный Д. Дэвидом Борландом-младшим. Я многим обязан Коржибски и Борланду.

Общая семантика очень сильно повлияла на современную психологию и социологию, но оказала незначительное влияние на физику и сферу образования и практически не затронула те проблемы, которые она старалась разрешить, — вездесущее неосознаваемое невежество и предвзятость человеческих оценок.

Трансакционная психология согласна со всеми вышеупомянутыми системами: мы не можем познать никакой абстрактной «Истины», но лишь относительные истины (с маленькой буквы, во множественном числе), порожденные играми нашего мозга, — ежесекундно мы получаем море сигналов, из которых мозг создает различные модели. В основу трансакционной психологии во многом легли передовые исследования человеческого восприятия, проводившиеся в 1940-е годы в Принстонском университете Альбертом Эймсом.

¹ В английском языке *is* — глагол-связка; он соответствует русским словам *есть, является, находится*. См. об этом подробнее в главе 13.

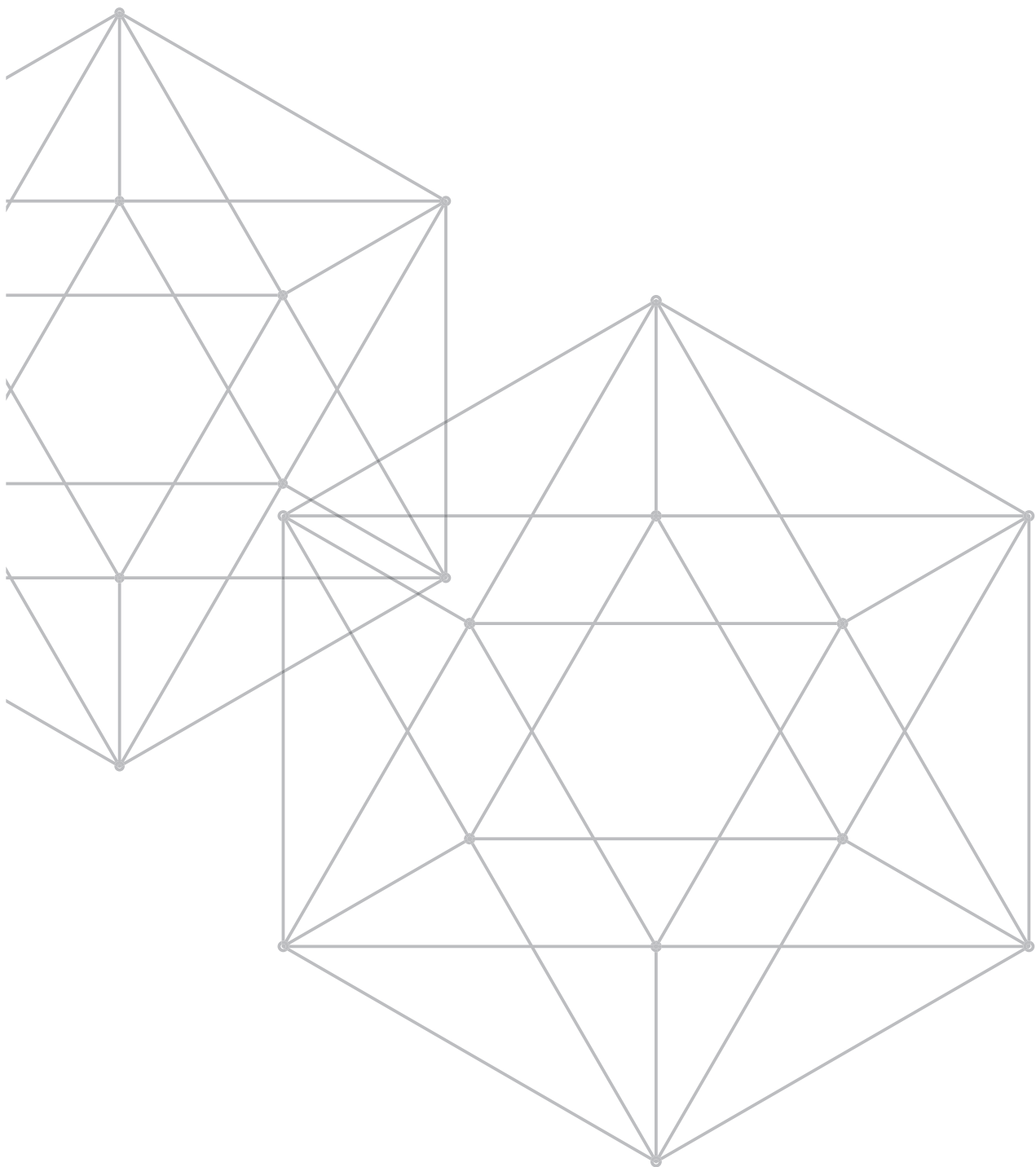
Трансакционализм также придерживается мнения, что мы не пассивно принимаем данные из Вселенной, а активно «создаем» форму, в которой интерпретируем их, — причем так же быстро, как их принимаем. То есть *мы не реагируем на информацию, но переживаем трансакции («сделки») с ней.*

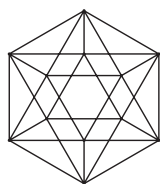
Альбер Камю в «Бунтующем человеке» называет Карла Маркса религиозным пророком, который из-за исторического недоразумения лежит на английском кладбище среди неверующих.

Я бы сказал, что по еще одному недоразумению операционализм и копенгагенизм остались в основном «собственностью» физики и других «точных наук», в то время как экзистенциализм и феноменология обрели признание по большей части среди гуманитариев и избранных социологов. Я же сочетаю элементы обеих традиций, так как, на мой взгляд, между ними больше сходства, чем различий.

Кроме того, я вижу фундаментальное сходство между этими традициями и радикальным буддизмом, но пусть оно проявится постепенно в ходе моих рассуждений.

Думаю, я сказал достаточно, чтобы противодействовать *тому шуму* и помешать ему исказить послание, которое я надеюсь передать читателям. Эта книга не подтверждает абстрактных догм ни материализма, ни мистицизма; она старается ограничиться простым материалом «реальной жизни», который исследуют экзистенциализм, операционализм и те науки, которые задействуют экзистенциалистские и операционалистские методы.

Часть I

КАК МЫ ЗНАЕМ, ЧТО́ МЫ ЗНАЕМ, ЕСЛИ МЫ ЗНАЕМ ЧТО-ТО?

Я не претендую на то, что говорю вам абсолютную правду; я говорю лишь то, что считаю правдой.

Роберт Ингерсолл. *Свобода мужчины, женщины и ребенка**

На этой иллюстрации можно разглядеть две разные картинки. Способны ли вы увидеть их одновременно или вам приходится изменять ментальный фокус, чтобы сначала увидеть одну, а потом другую?

«Я вижу убанги в запасе топлива».

У. К. Филдз (см. с. 78)